

ISSN 2079-9160

Российская ТЮРКОЛОГИЯ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

РОССИЙСКИЙ КОМИТЕТ ТЮРКОЛОГОВ

МОСКВА - КАЗАНЬ 2014

1 (10)

РЕЛИГИОЗНАЯ ПРИРОДА ЕНИСЕЙСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ. II*И.Л. Кызласов, г. Москва*

Резюме. Лаконичные енисейские надписи, нанесенные на скалы Саяно-Алтайского нагорья, оставлены в знак совершенных в тех местах личных молений манихеев, а также в результате деятельности проповедников этой религии. Обычай наскального письма не был присущ манихейству Переднего Востока и Средней Азии и возник только в условиях сибирско-тюркского манихейства. Здесь он продолжил древнюю традицию горных молений, приводивших к созданию петроглифов и нанесению личных знаков-тамг. Манихейская письменность повлияла на руническую орфографию, добавив обозначение узких гласных и нарушив строй согласных в ряде надписей.

Ключевые слова: раннее средневековье, енисейская руническая письменность, сибирско-тюркское манихейство, молитвенные наскальные надписи и тамги, руническая манихейская орфография.

4. Приход письменности в горные моления¹

Енисейские наскальные надписи, которых известно уже более 120, оказались в подавляющем большинстве молитвенными и наставительными. Содержание их указывает на манихейскую веру писавших. Были среди них и миряне, и приходские проповедники, и миссионеры [Кызласов И.Л. 1994а: гл. V, разд. 4; 2001а; 2001б].

Покрытые 31-ой молитвенной енисейской надписью скалы горы Ялбак-Таш в устье Чуи на Алтае определенно показывают, что в раннем средневековье существовало два этапа почитания этой горы [Кызласов И.Л., 2003а]. Первый представлен резными рисунками оленей. Во всех случаях, когда это может быть установлено, надписи нанесены позднее изображений и порой не считаются с ними. Ко второму этапу почитания скалы принадлежат сами рунические надписи. Выполненные тем же алфавитом – алтайской разновидностью енисейского письма – наскальные надписи Северо-Западной Монголии позволяют наметить еще один этап и еще одну форму поклонения горам, сменившую традицию сакрального нанесения зооморфных изображений и в ряде мест предшествовавшую начертанию надписей. Дело в том, что тамги, иной раз вырезанные на камне близ рунических строк, не всегда прямо связаны с руническими надписями. Напротив, надписи преимущественно, обрядово связаны с тамгами – тексты были нанесены на уже отмеченный личными знаками священный природный объект. Эту ситуацию рассмотрим в следующем разделе 5.

Истоки обычая наскального молитвенного письма, вероятно, могут быть определены довольно точно. При более чем девяти десятках открытых на Алтае енисейских надписей показательное полное отсутствие тамг наскальных надписей

¹ Начало статьи, посвященное связям религии с литературным языком и письменностью, а также культовой природе енисейских эпитафий, см.: РТ, 2013, № 2. С. 79–90.

младшего орхонского алфавита, время существования которого в целом совпадает с победой манихейства в Уйгурском каганате. Известна только одна камнеписная орхонская надпись той поры, вырезанная на скале Бичикту-Боом в долине р. Кара-Кол [Кызласов Л.Р. 1997: 110–112]. Такой разительной картины не могло возникнуть, если бы восточное манихейство изначально, с 763 г., несло с собою в Центральную Азию обряд наскального ритуального письма. Нет манихейских наскальных надписей и в иных пределах первоначального или раннего распространения этой религии – ни на Переднем и Среднем Востоке, ни в Средней Азии². Мы вправе заключить, что изучаемый обряд нанесения надписей на скалы является характерной особенностью северного, сибирско-тюркского манихейства и сложился он на местной южносибирской почве. Его неоспоримая связь с енисейским письмом указывает на древнюю местную природу тех воззрений, которые с принятием манихейства привели к культовому письму на скалах.

Об этом же свидетельствуют и особенности размещения рунических строк на скальных плоскостях с рисунками. В Хакасско-Минусинской котловине енисейские рунические надписи явно тяготеют к скальным поверхностям с изображениями предшествовавших эпох [Кызласов И.Л. 1994а: рис. 18, 21, 22, 25, 39]. Несмотря на это, сами енисейские письмена на Среднем Енисее (в отличие от Тувы и Алтая) никогда не вырезались поверх рисунков более раннего времени. Руны идут в стороне от них или изгибаются между изображениями [Кызласов И.Л. 2008: 452–457, рис. 1, 2, 4–6]. Видимо, в этих краях писавшие продолжали считать древние рисунки священными. Рунические надписи Хакасско-Минусинской котловины прямо называют имеющие писаницы скалы *berki qaja* или *teŋki qaja* «вечная скала» (Сулек I и II, Е 39/1, Е 39/2), а то и превозносят гору как божество (...*tebsej täŋri* «...божество [гора] Тепсей», Е 115) [Кызласов И.Л. 1992б; 1994а: 186, 187, рис. 18, 39; 2008: рис. 2]. Не случайно, некоторые средневековые наскальные рисунки Хакасии VIII в., наиболее вероятно, воспроизводят канонические образы Тенгри и Умай – богов языческой эпохи [Кызласов И.Л. 1998в; 2008: рис. 3].

Нередко енисейские наскальные надписи содержат прямое обращение к богу [Кызласов И.Л. 2001а: 246–248]. Всё это означает, что доманихейский местный горный культ получил с приходом новой религии письменную форму выражения. Мольбы у издревле священных утёсов продолжали звучать по-прежнему, но изображений на скалы уже не наносилось – в знак свершения обряда оставлялась краткая надпись. Вероятно, по мнению тюркоязычных верующих, письменное слово сильнее, чем произнесенное, воздействовало на божество или было доступнее ему. Создание наскальной надписи, возможно, отвечало восходящей к зороастризму нравственной манихейской триаде единства помысла, слова и поступка: благой помысел (постижение религиозного закона) порождает благое слово (молитву) и завершался благим делом (начертанием надписи).

С территориальным ростом Древнехакасского государства и распространением енисейского письма и манихейской теологии обычай наскальных молитв

² Манихеями, однако, в IX в. были оставлены некоторые наскальные согдийские надписи в верховьях Инда. Это явление оказалось настолько редкостным, что не было узнано востоковедами несмотря на высеченные показательные имена и примененное в надписях характерное летоисчисление, по зре Йездигерда [Симс-Вильямс 1995: 61–66. Фото на с. 62] и было определено Л.Р. Кызласовым по типичной форме манихейского креста, начертанного среди камнеписных строк [Кызласов Л.Р. 2006а; 2006б: 314–322].

венных написаний разошёлся по всей Южной Сибири, Северо-Западной и Центральной Монголии, восточной части Средней Азии и Казахстану – по тем землям, где до той поры не существовало феномена наскальных надписей [Кызласов И.Л. 2005а; 2005б; 2012]. Это продвижение сибирско-тюркского манихейства на запад (подтверждаемое вертикальностью снизу вверх начертанных строк, употреблением характерных словесных формул и орфографии) примерно в X в. привело к формированию таласского рунического письма, фактически являющегося палеографическим вариантом енисейского.

5. Религиозные причины высекания тамг на скалах

Южносибирские и центральноазиатские тамги тюркских народов раннего средневековья имели не родовое или племенное, как часто думают, а фамильно-личное назначение. Эта существенная особенность местной гербовой системы выявлена Л.Р. Кызласовым более полувека назад по характерному видоизменению геральдических знаков енисейских эпитафий IX–X вв. и соответствующих наскальных отметок [Кызласов 1960; 1965; 1979]. В подтверждение истинности такого восприятия ныне следует привести и весьма показательные лексико-этимологические данные. В отличие от композиционно сложных русских словесных конструкций, необходимых для содержательно-точного определения данной тамговой традиции, графическим древом выстраивавшей эмблемы по поколениям, в тюркских языках Саяно-Алтая поныне бытует вполне отвечающий сути исторического явления собственный термин. Им обозначаются мужские поколения одной патриархальной семьи: отец, его сыновья и сыновья его сыновей [Дыренкова 1940: 434]. Таков хак. *төл*, одновременно означающий и «род», и «поколение», и «потомство», шор. и сев.-алт. *töl / төл / төле / төлү / төлге* «подразделение рода», «патриархальная семья», «фамилия», тув. *төл* «дети, потомки, наследники» [ХРС 1953: 235; 2006: 661; Словарь 2005: 369; Дыренкова 1940: 434, 435; ТРС 1968: 418]. Именно этой фамильно-личной направленностью термин *төл* противостоит понятию *сөдк / сөөк*, хотя и переводящемуся тем же русским словом «род» (а ранее – и «поколение») [Словарь 2005: 307; ХРС 1953: 196], но несущему значительно более широкий смысл, определяя крупное историко-культурное объединение многих *төл*'ей разного происхождения (от того в словарях отмечено для него и значение «племя», а то и «национальность, народность») [ХРС 2006: 505; ТРС 1955: 370; 1968: 386]. В связи с названными особенностями *сөдк* и никогда не имели в истории Южной Сибири тамгового выражения, в то время как существование *төл*'ей как раз и получило свое отражение в построении аристократической фамильно-личной эмблематики эпохи рунического письма: отцовскую графическую основу каждый из сыновей дополнял индивидуально размещенным штрихом-отпятнышем – из поколения в поколение. Обладание каждым *төл*'ем собственной территорией (также явлением глубоко традиционным, в позднее время прослеженным этнографией [Дыренкова 1940: 434, 435]), позволило по размещению конкретных геральдических линий взаимосвязанных тамг выявить земельные владения IX–X вв. внутри Тувинской и частично Хакасско-Минусинской котловин [Кызласов Л.Р. 1960; 1965; 1979].

Личные тамговые знаки нередко оказываются вырезаны рядом с енисейскими наскальными надписями. Взаимоотношение двух этих эпиграфических элементов не всегда столь очевидно, как на эпитафийных стелах [Кызласов

Л.Р. 1960; 1965]. Известные материалы позволяют различать три ситуации. При первой тамга на скале завершает руническую строку, расположена слева от нее и нанесена тем же инструментом. Такой знак служил подписью писавшего, заменявшей указание имени (Крес-хая, Е 137; Тепсей XI, Е 126). Второй случай – относительно одновременное нанесение разрозненных надписей и тамг. Наиболее отчетливо он, видимо, представлен многочисленными начертаниями скалы Хая-Бажи в Туве (Е 24), на которой одна из рунических строк даже вписана внутрь геральдического знака (Е 24/9) [Васильев, 1983: 63, 79, 80; Кызласов И.Л. 1994а: рис. 20, 26; 2000].

Известна надпись, указывающая на нанесение тамги на скалу. Строка XX на горе Ялбак-Таш (Алтай), содержащей, как помним, только молитвенные строки, гласит: (j)ig (i)n(i)g : b(e)d(i)zγ(a)li : uz (e)gm(i)š «С тех пор, как вырезал благоую тамгу, он стал искусен» [Кызласов И.Л. 2003а: 71–74, рис. 21, 25]. Речь идет о начертании на утесе личного знака молившегося и о благополучном результате такого обряда. Выходит, не только писание на скале было для манихеев Южной Сибири богоугодным делом, так же воспринималось и вырезание личной тамги в ознаменование произнесенной молитвы [Кызласов И.Л. 2001а: 257; 2003б]. Потому тамга и названа в нашей надписи благою.

Отныне понятны причины скопления личных знаков рядом с надписями на почитаемых горах – Сулекской или Тепсей в Хакасии и Хая-Бажи в Туве. Одновременность наскальных енисейских надписей и древнехакасских тамг в пределах IX–X вв. показана, как говорилось, ещё 50 лет назад [Кызласов Л.Р., 1960; 1965], но только теперь можно видеть, что вызванный манихейством обычай не был лишь древнехакасской особенностью, а распространялся на все народы Саяно-Алтайского нагорья, входившие в единое государство и исповедовавшие общую религию.

Сказанное имеет особое значение при рассмотрении третьей ситуации соседства тамг и надписей на скалах. Она прослежена при изучении енисейской эпиграфики Северо-Западной Монголии [Кызласов И.Л. 2004: 115–117, рис. 4–10]. Три серии тамг, соседствующих с руническими надписями Дэл-ула (IX–X вв.), относятся к предшествующему появлению камнеписных строк уйгурскому периоду местной истории, т.е. к середине VIII – началу IX в. Рассмотрение других местонахождений (Тэс I, Шарбулак I/1 и пр.) также показывает, что геральдические знаки не позволили тексту занять нужное пространство. Выходит, до появления енисейских надписей такая скала уже почиталась не одним поколением семьи, поставившей на ней свои знаки (см.: [Шинехуу 1976: рис. 2, 3, 4; Кляшторный 1978, фото 1]). Не случайно, тамги, относящиеся к уйгурскому времени, расположены на горно-алтайской скале Ялбак-Таш (плоскость I) компактным скоплением, обособленным от надписей IX–X вв. [Кызласов И.Л. 2003б: рис. 2; 2004: рис. 9]. Следует заключить, что обычай отмечать личными тамгами почитаемые скалы на Монгольском и Русском Алтае восходит к середине VIII – началу IX в. и предшествует созданию здесь енисейских по алфавиту надписей. Их появление на камне продолжает местную, ещё дописьменную традицию горных поклонений. Еще раз замечу, что наскальных молитвенных надписей орхонского алфавита, одновременного обсуждаемым тамгам, Южная Сибирь и, насколько можно судить по публикациям, Монголия пока не знает.

Так проясняются причины появления тамг на южносибирских скалах (но не на стелах). Ошибочно расценивать раннесредневековые тамги лишь как символы обладания (вроде меток – клейма или тавра). Изложенное вновь доказывает,

что на Саяно-Алтайском нагорье того времени они были персональными отличительными знаками (и только в силу этого – отметками собственности). Теперь очевидно, что тамги на скалах высекались с теми же целями, что и надписи – молившийся отмечал факт своего поклонения святыне. Наиболее вероятно, что акт нанесения на скалу личной тамги указывает на манихейское вероисповедание её обладателя. Если это подтвердится, мы получим самостоятельные эпиграфические возможности определить время принятия манихейства, как уже научились датировать по тамгам каждую из енисейских эпитафий.

Специального внимания требует появление тамг на скалах Южной Сибири лишь начиная с VIII в.³ По причине такого обстоятельства геральдические знаки предшествующих веков и эпох остаются малоизвестными. В Хакасско-Минусинской котловине эти ранние тамги, начиная, пожалуй, с тагарской культуры раннего железного века (VIII–III вв. до н.э.), и целиком включая культуры таштыкскую (сер. I в. до н.э. – V в.) и чаатас (VI – середина IX вв.), выставлялись на стояки могильных курганов, но не на скалы. В этом также заметны две стадии духовного развития Саяно-Алтая. Другим хронологическим приделом служит, вероятно, рубеж X и XI вв., когда лично-фамильные тамговые знаки пропадают со скальных обнажений и курганных камней (они вновь возникнут лишь в этнографической современности, ближе к XVIII в., сменяясь кириллическими инициалами⁴). Можно предположить, что эта культурная особенность не случайно совпадает по времени с исчезновением енисейских эпитафий.

Нельзя думать, что геральдическим знаком как подписью в раннем средневековье пользовались не способные писать неграмотные люди. Наскальные енисейские надписи, сопровождаемые тамгами авторов, сегодня известны практически по всему основному ареалу енисейского письма (в Хакасии, в Туве и в Северо-Западной Монголии) и тем самым противоречат допущению о необразованности знати, отмечавшей молитвенные обращения личным геральдическим знаком. Этот вывод следует распространить и на мир орхонской письменности. В том убеждают уйгурские тамги горы Дэл-ула – одна из их разновидностей принадлежит семье грамотеев-резчиков, создавших две известных орхонских эпитафии – Тэрхинскую и Могойн Шине Усу (кагану Баян-чору) [Кызласов И.Л. 1999а; 2004: 115, рис. 6, 7].

Учитывая сказанное, следует, скорее, предположить, что надписи без тамг оставляли простолодины и священники. Неслучайно, имена, указанные в таких строках, неблагозвучны и лишены титулов [Кызласов И.Л. 1999а; 2003а]. Люди этих сословий не имели возможности отметиться иначе: их общественное положение не позволяло иметь личных гербов, отличавших только знатные семьи и передававшихся в них по наследству. В отношении Южной Сибири историки до сих пор не имели данных для подобного вывода. Пожалуй, перед нами новые для науки эпиграфические признаки социального расслоения раннесредневекового саяно-алтайского общества.

³ Примечательно, но всё еще не понято кардинальное изменение графической основы тамг Саяно-Алтая и Монголии, очевидно, также произошедшее в VIII в. Зооморфные и спиралевидные знаки сменились пересечениями дугообразных и прямых линий.

⁴ Три кириллических инициала, нередко составляющие хакасские отметки позднейшего времени, обозначают не имя, отчество и фамилию, как это ныне воспринимают исследователи, а начальные буквы имени деда, отца и самого писавшего (т.е. его принадлежность к определенному *төл'ю*) – так в новом знаковом выражении отразилась истинная сущность фамильно-личной тамговой традиции.

6. Религиозный индивидуализм в енисейской письменности

Все мировые религии обращаются к отдельно взятому человеку и направлены на индивидуальное осознание и поведение. Манихейство требовало того же. В этом, думается, заключена коренная причина появления письменной формы тех обрядов, которые связаны на Енисее с пониманием и выражением роли отдельной личности. При всём своеобразии эпитафий (ещё до конца не достигнутом) каждая из них – это биография конкретного, по имени названного человека, а любая наскальная строка – личная просьба, моление об одном верующем или воззвание к нему, как и всякая вырезанная тамга – знак собственного обращения к святыне.

Енисейские надписи на стелах и скалах (как и тамги на тех и других) выявляют важнейший поворот в общественном сознании Древнехакасского государства, а с ним и всей Южной Сибири – рост внимания к отдельно взятому человеку. Религиозная, в нашем случае манихейская, природа произошедшего ясна, как несомненно и то, что страна, официально признавшая мировую религию, была уже к этому готова.

Ситуация не была неизменной. Памятники манихейской эпохи показывают дальнейшее развитие идеологической жизни Саяно-Алтая от IX в. к XI-му. Породив эпитафийные надписи, новое мировоззрение постепенно влияло на их древнее, по сути, ещё языческое, содержание, в корне изменяя его. Горестные, но по старинке самодовольные строки дополняются немислимыми прежде словами о греховности умершего [Кызласов И.Л. 2001а: 243-245]. А возрастающее воздействие манихейства приводит к отмиранию самого обычая водружать памятные стелы. С ним пропадают и эпитафийные надписи. Последние памятники относятся к XI, может быть, даже XII в.

7. Влияние религии на руническую орфографию

Влияние религии на енисейское письмо не ограничивалось социальной сферой. Манихейство прямо воздействовало и на само устройство рунической письменности. Енисейские надписи подразделяются на три типа орфографии, лишь один из которых отражает классическое руническое правописание. Два других возникают как результат внешнего воздействия на руническое письмо и, строго говоря, нарушают его нормы [Кызласов И.Л. 1997; 1999б].

Во-первых, в ряде надписей обозначены обычно опускавшиеся узкие гласные закрытых слогов. Этот тип письма можно назвать полногласным. Кроме енисейских памятников он широко известен в орхонских рунических рукописях на бумаге, найденных в монастырях Восточного Туркестана. Такое написание могло быть порождено единственной знавшей этот принцип письменностью Средней и Центральной Азии того времени – собственно манихейским письмом. Изобретённое пророком Мани, оно было сознательно наделено греческими основами полного алфавитного написания. Второй тип орфографии назовем псевдоруническим, ибо он искажал сам принцип рунического письма – размежевание знаков для согласных твёрдых и мягких слогов. Люди, так писавшие, видимо, тоже перенесли на руны уже закрепленные личные знания какого-то западного алфавитного письма.

За орфографическим многообразием енисейских надписей скрывается важнейший для осознания культурный феномен: владение раннесредневековыми грамотеями несколькими системами письма одновременно. Несмотря на отсутствие прямых данных, очевиден факт былого распространения в Южной Сибири в эпоху рунического письма одновременных ему различных алфавитных письменных систем западного происхождения. Наиболее вероятно связь их применения с религиозной средой и литературой (прежде всего, но вероятно, не единственно, — с манихейской).

Вероятно, к этой проблеме следует отнести и те енисейские рунические строки, которые, вопреки обычному направлению письма, оказались начертанными слева направо. Их еще предстоит собрать и рассмотреть как отдельную совокупность. Видимо, это явление также отражает внешнее воздействие на руническую письменность. Быть может, в таком отклонении проявилось использование сибирскими манихеями буддийской литературы, использовавшей письмо брахми. Как известно, пребывание природных саяно-алтайцев в буддийских монастырях Ганьсу и Восточного Туркестана отмечено раннесредневековыми документами [Кызласов Л.Р. 1969: 127; 1984: 141] и подтверждается енисейскими руническими граффити на стенах жилых пещер в Ярхото, обнаруженными Д.А. Клеменцем (см., например, [Кызласов И.Л. 1994а: 197, рис. 29]).

8. Основные итоги

Известная нам по письменным памятникам — прежде всего енисейским и орхонским — так называемая эпоха рунического письма начинается с VIII в. Однако имеющиеся материалы позволяют считать, что в истории существования тюркоязычной рунической письменности она является не первым, а вторым периодом. Его можно именовать явным. Известные ныне науке эпиграфические памятники появляются вследствие демократизации древней письменной культуры, наступившей как в области светской (государственный статус обеих письменных систем), так и духовной жизни (манихейская грамотность, связанная с развитием младшего орхонского и особенно енисейского письма). Основной фонд енисейской эпиграфики — ее камнеписные тексты — порождены культовой практикой южносибирского манихейства. Светская письменность в основном представлена надписями на предметах. Однако и они принадлежат к обрядовой сфере обычного права; следует помнить: любая надпись средневековья делалась на официальном языке и официальном письме конкретной религии (хотя бы и той, которая не занимала в стране господствующего положения).

Предшествовавший названному первый период существования рунических письменностей Азии, длившийся с древности до VIII в., можно именовать скрытым. Нижняя граница его не определена, свидетельства былого использования рун имеют косвенный характер (к ним отнесем архаичность системы письма и порядка строк в эпитафийных текстах, облика культовых письменных документов-протографов, руническое койне, восприятие рун пришедшей манихейской религией). Отсутствие эпиграфических памятников этого скрытого периода и сохранение древнейших черт письменной культуры, восходящих к нему, указывают на былой статус письма — оно являлось особой привилегией замкнутого и косного сословия. Таковым было жречество, посвященное в религиозные таинства. Неведомая древняя его идеология использовала религиозные тексты. И эти

писания велись на ранней сакрально-поэтической разновидности литературного тюркского языка.

Таковы те два основных исторических этапа в развитии духовности, которые сегодня выявляются средствами енисейской эпиграфики в древности и раннем средневековье Южной Сибири.

Литература

Васильев Д.Д. Корпус тюркских рунических памятников бассейна Енисея. – Л.: Наука, 1983. – 127 с.

Дыренкова Н.П. Шорский фольклор. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. – XL + 448 с.

Кляшторный С.Г. Наскальные рунические надписи Монголии // Тюркологический сборник. 1975. – М.: Наука, 1978. – С. 151–158.

Кызласов И.Л. Древнехакасские надписи с названием горы Тенсей // Северная Азия от древности до средневековья. Тезисы конференции к 90-летию со дня рождения М.П. Грязнова. – СПб., 1992б. – С. 220–221.

Кызласов И.Л. Рунические письменности евразийских степей. – М.: Восточная литература, 1994а. – 327 с.

Кызласов И.Л., Разновидности древнетюркской рунической орфографии (Отражение манихейской письменной культуры в памятниках енисейского и орхонского письма) // Acta Orientalia, t. L, fasc. 1-3. – Budapest, 1997. – С. 163–184.

Кызласов И.Л. Изображение Тенгри и Умай на Сулекской писанице (Хакасия) // ЭО, 1998в, № 4. – С. 39–53.

Кызласов И.Л. Материалы к ранней истории тюрков. IV. Образованность в эпоху рунического письма // РА, 1999а, № 4. – С. 99–117.

Кызласов И.Л. Орфографические признаки манихейских рунических надписей // Вопросы тюркской филологии. Вып. IV. – М.: ИСАА при МГУ, 1999б. – С. 85–111.

Кызласов И.Л. Фыркальская руническая надпись и её тамга // Ежегодник Института саяно-алтайской тюркологии Хакасского госуниверситета. – Абакан: Изд-во ХГУ, 2000. – С. 69–75.

Кызласов И.Л. Смена мировоззрения в Южной Сибири в раннем средневековье (Идеи единобожия в енисейских надписях) // Древние цивилизации Евразии. История и культура. – М.: Восточная литература, 2001а. – С. 243–270.

Кызласов И.Л. «Добро сотворив, посеять человечность» (Манихейские миссионеры у вершин Алтая) // Средневековые древности евразийских степей (Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 15). – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2001б. – С. 111–129.

Кызласов И.Л. Новости тюркской рунологии. Вып. 1. Енисейские надписи на горе Ялбак-Таш (Горный Алтай). – М.: Гуманитарий, 2003а. – 109 с.

Кызласов И.Л. Раннесредневековые личные тамги и надписи на скалах Саяно-Алтая // Степи Евразии в древности и средневековье. Кн. II. – СПб., 2003б. – С. 246–249.

Кызласов И.Л. Удаль витязя и благочестие попа (Шаханшах Варахран I, пророк Мани и рунические надписи горы Дэл-ула в Монголии) // Памятники археологии и древнего искусства Евразии. – М.: Институт археологии РАН, 2004. – С. 104–122.

Кызласов И.Л. Таласские наскальные надписи // РА, 2005а, № 2. – С. 46–55.

Кызласов И.Л. Прочтение наскальных рунических надписей Кыргызстана // Материалы и исследования по археологии Кыргызстана. Вып. 1. – Бишкек: Илим, 2005б. – С. 51–64.

Кызласов И.Л. К уяснению исходных позиций изучения и сбережения писаниц // Человек, адаптация, культура. – М.: Институт археологии РАН, 2008. – С. 451–463.

Кызласов И.Л. Раннесредневековая эпиграфика Казахстана и Кыргызстана: проблема датировки, происхождения и принадлежности таласского рунического письма (в кратком изложении) // Историко-культурное наследие и современная культура. Сб. материалов междунар. научно-практического семинара. – Алматы: Service Press, 2012. – С. 40–44.

Кызласов Л.Р. Новая датировка памятников енисейской письменности // СА, 1960, № 3. – С. 93–120.

Кызласов Л.Р. О датировке памятников енисейской письменности // СА, 1965, № 3. – С. 38–49.

Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века. – М.: Изд-во МГУ, 1969. – 211 с.

Кызласов Л.Р. О древнехакасских личных тамгах // Проблемы истории Хакасии. – Абакан, 1979. – С. 130–136.

Кызласов Л.Р. История Южной Сибири в средние века. – М.: Высшая школа, 1984. – 167 с.

Кызласов Л.Р. Памятники орхонского письма из Хакасии и Горного Алтая // ВМУ. Серия 8. История, 1997, № 1. – С. 103–112.

Кызласов Л.Р. Символ креста у манихеев и сакральное пространство города Суяба на р. Чу // ВМУ. Сер. 8. История, 2006а, № 2. – С. 138–150.

Кызласов Л.Р. Городская цивилизация Срединной и Северной Азии. Исторические и археологические исследования. – М.: Восточная литература, 2006б. – 360 с.

Симс-Вильямс Н. Путешественники в Тибет: согдийские надписи Ладака // ВДИ, 1995, № 1.

Словарь 2005 – Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка / Составил В.И. Вербицкий. 2-е изд. – Горно-Алтайск: Ак Чечек, 2005. – 496 с.

ТРС 1955 – Тувинско-русский словарь / Под ред. А.А. Пальмбаха. М.: Гос. изд-во ин. и нац. словарей, 1955. – 723 с.

ТРС 1968 – Тувинско-русский словарь / Под ред. Э.Р. Тенишева. – М.: Советская энциклопедия, 1968. – 646 с.

ХРС 1953 – Хакасско-русский словарь / Ред. Н.А. Баскаков. М.: Гос. изд-во ин. и нац. словарей, 1953. – 487 с.

ХРС 2006 – Хакасско-русский словарь / Хакас-орыс сөстiк / Ред. О.В. Субракова. Новосибирск: Наука, 2006. – 1114 с.

Шинехуу М. Тэсийн эртний гүрэг бичээсийг дахин нягталсан нь (Новое исследование древнетюркской надписи на реке Тес) // Археологийн судлал (Studia Archaeologica, Instituti Historiae Academiae Scientiarum Republicae Populi Mongolici, t. VII, fasc. 9). – Улаанбаатар, 1976. – С. 113–121.

Kyzlasov Igor.L. Religious nature of the Yenisei inscriptions. II

Summary. The laconic Yenisei inscriptions put on rocks of Sayan-Altai uplands are left as a sign of the personal prayers made in those places, and also as a result of activity of preachers of Manichaeism. The rock inscriptions weren't inherent in Manichaeism of the Middle East and Central Asia and arose only in the conditions of a Siberian-Turkic Manichaeism. Here it continued ancient tradition of the mountain prayers leading to creation of petroglyphs and drawing personal signs-tamgas. Manichaeism writing affected runic spelling, having added designation of narrow vowels and having broken a system of consonants.

Key words: early Middle Ages, Yenisei runic writing, Siberian-Turkic Manichaeism, prayerful rock inscriptions and tamgas, runic Manichaeism orthography.

